

АРСЕНИЙ
ТАРКОВСКИЙ

стихотворения

МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Т19

Художественное оформление *А. Рысухиной*

Тарковский, Арсений Александрович.
Т19 Стихотворения / Арсений Тарковский. —
Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-112770-1

В настоящем томе собраны лучшие произведения великого поэта двадцатого века Арсения Тарковского. Арсений Тарковский, тонкий поэт, фронтовик, отец гениального режиссёра... Он долгое время оставался без должного внимания, но в конце концов заслужил звание одного из лучших стихотворцев своего поколения и эпохи.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

© Тарковский А.А.,
наследники, 2025
© Кошелев В.А., составление,
2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-112770-1

Ольга Седакова

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Звезда нищеты».

Арсений Александрович Тарковский

Я тень из тех теней...

Арсений Тарковский

«Стихотворений на свете так мало, что поэзия была бы Ко и нор'ом» (в современном написании — Кохинор, знаменитый алмаз), — писал молодой Пастернак в письме к отцу, — если бы ее не переполняли и не заслоняли бесчисленные «стишки». В конце жизни он говорит о том же: о позоре литературного производства, о «литературном процессе», который только тем и занят, чтобы сделать появление этих редчайших вещей крайне затруднительным — или вообще невозможным¹. До последнего времени,

¹ «Стихотворений на свете так мало, что поэзия была бы Ко и нор'ом, не пучься она от избыточного множества стишков; стишками занимаются стада, табуны» // Борис Пастернак. Об искусстве. М., «Искусство», 1990. С. 308.

слава Богу, «поэтам хорошим и разным», «литературному процессу» и направляющим этот процесс критикам и теоретикам добиться этого все же не удалось. Вопреки всему, кто-то еще раз дает нам увидеть, что поэзия — аномалия в ряду обыденностей, счастье и чудо. Что то, что может сообщить она, никаким другим образом не сообщается.

И было это как преображение
Простого счастья и простого горя
В прелюдию и фугу для органа.

*Я бы никогда не мог сказать: «побольше поэтов хороших и разных», потому что многочисленность занимающихся искусством есть как раз отрицательная и бедственная предпосылка для того, чтобы кто-то один неизвестно кто, наиболее совестливый и стыдливый, искупал их множество своей единственностью и общедоступностью их легких наслаждений — каторжной плодотворностью своего страдания». Письмо Вяч. Иванову. — Указ. соч. С. 350. «Литературный процесс», школы и направления, «столетия посредственности и банальности» «лишь для того и существуют, чтобы гению... как можно больше усложнить и затруднить миссию возмещения». Письмо Ренате Швейцер. — Указ. соч. С. 357.

За это мы и благодарны Арсению Александровичу Тарковскому. В самое неблагоприятное для этого время он был занят этими редчайшими, как алмаз Кохинор, вещами — стихами: бессмертными, поющими словами, которые в греческой Античности называли крылатой речью. Драгоценные камни естественно ассоциируются со звуком его стихов, но еще больше — *«капля лазори»*, вода, не простая, царственная, *ионийская вода*:

Мой кузнечик, мой кузнечик,
Герб державы луговой!
Он и мне протянет глечик
С ионийскою водой.

К «литературному процессу» своей современности (нескольких довольно разных современностей: литературной современности 30, 40, 50, 60-х годов) они не имели никакого отношения. Там писали, там рассуждали, там спорили совсем о другом и по-другому. Там всегда было не до ионийской воды и камней Кохиноров.

Начнем с одного из самых чудесных русских стихотворений: «Бабочка в госпитальном саду».

Из тени в свет перелетая,
Она сама и тень и свет,
Где родилась она такая,
Почти лишенная примет?
Она летает, приседая,
Она, должно быть, из Китая,
Здесь на нее похожих нет,
Она из тех забытых лет,
Где капля малая лазори
Как море синее во взоре.

Она клянется: навсегда! —
Не держит слова никогда,
Она едва до двух считает,
Не понимает ничего,
Из целой азбуки читает
Две гласных буквы —

А

и

О.

А имя бабочки — рисунок,
Нельзя произнести его,
И для чего ей быть в покое?
Она как зеркальце простое.
Пожалуйста, не улетай,
О госпожа моя, в Китай!
Не надо, не ищи Китая,
Из тени в свет перелетая.
Душа, зачем тебе Китай?
О госпожа моя цветная,
Пожалуйста, не улетай!

Тарковского часто называют последним поэтом высокой (или чистой, или классической) традиции; естественно, эта традиция включает в себя модерн и авангард. Но высокую традицию уже погребали на похоронах Ахматовой — и сам Тарковский прощался с ней как с *последней тенью*:

И эту тень я проводил в дорогу,
Последнюю — к последнему порогу.

В таком случае он — уже после-последний поэт; иногда мы слышим об этом от него самого:

Мне странно, что я еще жив
Средь стольких могил и видений.

В этой связи рядом с ним можно вспомнить единственное имя — Марию Петровых. Они, младшие друзья «последних поэтов» — Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой — остались среди чужих, в глухом одиночестве (я имею в виду одиночество поэтическое, а не биографическое).

Святой колыбелью была мне
Земля похорон и потерь.

Есть такой склад поэта — как и человеческий склад: поздний ребенок в семье, последний. Вокруг Тарковского были уже поэты другой культурной крови. Конец прежнему роду подвела, казалось, сама история: нужно было хотя бы краем детства, как Тарковский, застать другой мир и другой русский язык («А в доме у Тарковских...»). Следующим поколениям в этом было отказано. Они не застали необещанного мира. А в обещанном — откуда

взять святую беспечность, и странное безлобие, и неувыдающее восхищение? А из этих веществ и слагается форма той поэзии, которая редка, как Кохинор.

Что же такое честь? В посвящении Мандельштаму Тарковский пишет:

Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задерганная честь.

Нищее величье — оксюморон, но и *здерганная честь* — тоже оксюморон, которого можно не заметить: честь, среди прочего, предполагает личную неприкосновенность, для начала телесную, *habeas corpus*¹:

Власть отвратительна, как руки брадобрея.

¹ Букв.: «Да имеешь тело» (*лат.*). Право личной неприкосновенности гражданина, установленное «Великой Хартией» (*Magna Charta*), подписанной Иоанном Безземельным в 1215 году.

Многое другое так же отвратительно для человека чести, какими и были поэты «старой традиции»¹, все те, кого с дикарской усмешкой называли «небожителями».

Но что-то мешает мне увидеть творческое одиночество Тарковского в словесности 60–70-х годов таким образом, как одиночество прощального запоздалого голоса, приходящего из невозвратного прошлого. И сам Тарковский думал иначе:

Я не один, но мы еще в грядущем.

¹ Здесь я вновь вспомню Пастернака — вообще говоря, поэта, по письму совсем не близкого Тарковскому. Но, как на «старшем» в этой традиции, о которой мы говорили, на Пастернаке лежал долг высказывать и обдумывать то, о чем Тарковский за пределами стихотворства молчал. Размышляя о поразительности таланта, который он прежде всего, как мы уже слышали, соединял с *совестью, стыдливостью и плодотворным страданьем* — и этим противопоставлял гения «процессу», Пастернак говорит и об этом его качестве: чести. «Дарование учит чести и бесстрашию, потому что оно открывает, как сказочно много вносит честь в общедраматический замысел существования». Письмо К. Кулиеву. — Пастернак. Указ. соч. С. 336.

Он чувствовал себя не «последним», а начинающим будущее. Звезда его — не вечерняя, а утренняя:

Мимо всей вселенной
Я пойду, смиренный,
Тихий и босой,
За благословенной
Утренней звездой.

Так, впрочем, всегда и чувствуют свое дело поэты этой — классической? высокой? чистой? как назвать ее? — традиции.

Удивительно вот что: поэзия, все мосты к которой были последовательно сожжены, все входы завалены нескладными, плоскими, бесцеремонными стихами «в стиле баракко»¹, которые и составляли норму нашего «литературного процесса», — поэзия Тарковского не

¹ Удачная находка Е. Евтушенко: «У барака учился я больше, чем у Пастернака, ... и стихи мои в стиле баракко». Диалектику учили не по Гегелю, поэзию — не по Пастернаку. Чем не переставали гордиться.

была непонята; больше того, она не была неполюблена, с первой же его запоздалой книги («Перед снегом», 1962¹). Мы переписывали их и помнили наизусть².

И странно же они выглядели, эти строфы в наших разрешенных изданиях:

И моя отрада
В том, что от людей
Ничего не надо
Нищете моей.

Не то что «смысл» (вопиющий среди лозунгов о счастье миллионов, о том, как не

¹ Первая книга А. Тарковского должна была выйти в 1946 году. Но после «внутренней рецензии», в которой говорилось, что Тарковский принадлежит к черному пантеону русской поэзии: Федор Сологуб, Мандельштам, Гумилев, Ходасевич, и поэтому, чем «талантливее эти стихи, тем они вреднее и опаснее», набор был рассыпан.

² Еще более широкое хождение стихи Тарковского получили после фильма «Сталкер». Мне случалось видеть перепечатки под названием «Стихи из фильма «Сталкер» без имени автора.

ждать милостей от природы и т.п.) — звучание этих слов производило головокружение: земля уходила из-под ног, мы оказывались в среде (действительно в среде: световоздушной, цветозвуковой среде) свободы. Свободы небывалой, как будто потусторонней. И замечу: не только и не столько *нашей* свободы от кого-то или чего-то — а свободы всего остального *от нас*.

Быть причиной чьей-то свободы — большое счастье, может быть, самое большое:

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Пушкинская «Птичка».

Ласточка, бабочка, крылатая или глубоко-водная малютка-жизнь Тарковского, которая может ускользнуть, уплыть, упорхнуть, едва пожелает, и никому ничем не обязана — *гостя звезда* и царственная гостя душа, поки-